

А. А. БОНДАРЕНКО

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АКТОВОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ДИПЛОМАТИКЕ ЛИТОВСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АКТОВ

В статье рассмотрены некоторые идеи А.С. Лаппо-Данилевского, касающиеся вопросов теории актового источниковедения и классификации источников, высказанные им в «Очерке русской дипломатики частных актов» и «Методологии истории». Исследовательские подходы А.С. Лаппо-Данилевского анализируются на материалах архива польской королевы и великой княгини литовской Боны Сфорца.

Ключевые слова: дипломатика, акты, метрика королевы Боны, ставленный лист, Великое княжество Литовское, А.С. Лаппо-Данилевский, Бона Сфорца.

А.С. Лаппо-Данилевский не только создал эпистемологическую концепцию исторического познания, но и доказал возможность применения своих теоретических разработок к конкретно-историческому материалу. Речь идет о его лекциях, посвященных источниковедению частных актов, которые, по общему мнению, послужили фундаментом для дальнейшего развития теоретических вопросов отечественной дипломатики. Несмотря на идейное неприятие и острую критику, которой подверглись работы Лаппо-Данилевского в советский период¹, их значение для исторической науки было по достоинству оценено и его современниками, и его последователями.

Основополагающим в феноменологической концепции источниковедения, берущей истоки в эпистемологической теории А.С. Лаппо-Данилевского, является представление о структурированности и взаимосвязанности интеллектуальных продуктов, которые создаются для выполнения конкретных функций, заданных породившей их информационной системой². Названием функции интеллектуального продукта в системе является его вид. Вид исторических источников – основная классификационная категория источниковедения.

---

¹ См.: Ростовцев. 2007. С. 225-273.

² Медушевская. 2008. С. 258.

Подробнее остановимся на представлениях Лаппо-Данилевского о «главнейших» видах исторических источников. В основе построений исследователя находится определение исторического источника («реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением») и «главенствующей» задачи методологии источниковедения («установить, действительно ли существовал тот самый факт, который известен из источника»)³. Наиболее общим критерием для «систематизации» источников является их значение для исторического познания.

Деление источников на изображающие факт и обозначающие факт обусловлено вариативностью способов фиксации информационного ресурса в источнике (и, соответственно, вариативностью форм восприятия источника исследователем). С «познавательной» точки зрения, обозначение некогда бывшего факта с помощью определенного набора символов вынуждает исследователя идти путем реконструкции образа этого факта в своем сознании. Это своего рода дополнительный этап, который предшествует началу непосредственного исследования «бывшего факта» и который естественным образом отпадает в случае восприятия историком изображения факта «в его остатках».

С той же познавательно-исторической точки зрения, учитывая значение источника «в его реконструированном целом» (а не только его реализованность в вещественной форме), различаются остатки культуры и исторические предания. При таком подходе к делению, в основе которого «лежит различие в точках зрения, с которых исторические источники изучаются, а не различие самих источников», очевидно существование источников смешанного характера, которые можно отнести и к первой, и ко второй группе. Деление источников на «объективно данные» остатки и предания с реалистической («позитивной») точки зрения – т.е. учитывая реализованность интеллектуальных продуктов как их имманентное качество – зависит от дефиниций этих понятий. Остатком культуры Лаппо-Данилевский называл «остаток того самого исторического факта, который изучается историком», а историческим преданием «отражение какого-нибудь исторического факта в источнике». По уровню информативности остатка культуры выделялись его «разновидности»: воспроизведения, пережитки и произведения. В основу разделения исторических преданий (как мысленных воспроизведений факта) положен принцип вовлеченности и участия автора предания в совершившемся факте. Автор, непосред-

---

³ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 38, 41.

ственно наблюдавший и воспринявший некий факт, создает чистые предания (делящиеся по своему характеру на описательные или оценочные); автор, зафиксировавший информацию по чужим преданиям, создает предания смешанные (производные или составные)⁴.

Еще одним возможным классификационным принципом Лаппо-Данилевский назвал принцип тематический, предложив различать источники «по их конкретному содержанию». Таким образом, исследователь выделил две основные группы источников: с фактическим (среди них источники идейного, бытового и повествовательного характера) и нормативным (среди них источники чисто-нормативного и утилитарно-нормативного характера) содержанием⁵.

Соответствующие критерии систематизации исторических источников – их познавательное значение и содержание – были рассмотрены Лаппо-Данилевским во вводной главе «Очерка русской дипломатики частных актов». Сами акты он определил как «документы или “грамоты” с правозначающим содержанием, то есть такие, которые облекают известное правоотношение – правительственное постановление или юридическую сделку – в письменную форму»⁶. Среди них он выделил акты осведомительного (декларативного) и акты удостоверительного (конститутивного) характера. В первом случае акт служит «для показания о состоявшемся правоотношении; он пишется для запечатления в памяти тех действий или событий, которые породили его»; во втором – акт является «основанием для признания правоотношения состоявшимся; он пишется для закрепления тех элементов или условий, из которых оно состоит»⁷.

В основе этого различия находится «характерный признак каждого из видов»; при этом Лаппо-Данилевский не исключал их смешения и подчеркивал, что разница между ними не всегда очевидна. Отличительным признаком исследователь считал степень правового значения акта. Рассматривая роль того или иного акта в судебной практике, во главу угла он ставил наличие в акте подписи или субскрипции: акт осведомительного характера не является судебным доказательством, так как он не удостоверен и, соответственно, не имеет юридической силы⁸. С этой точки зрения различались «грамоты» (удостоверительные акты)

---

⁴ Там же. С. 44-58.

⁵ Там же. С. 58-62.

⁶ *Лаппо-Данилевский*. 2007. С. 39.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 40-41.

и «памяти» (осведомительные акты), что аналогично делению, встречающемуся в западной дипломатике.

С.М. Каштанов считает более уместным различие «грамот» и «записей», так как «некоторые “памяти” имеют распорядительный характер и в этом смысле приближаются к “грамотам”»⁹. Выделяя из общей массы источников акты не столько как документы, устанавливающие «всякие вообще правоотношения», сколько как документы договорного вида, С.М. Каштанов провел разграничение неоднородной трактовки термина «акт» на примере немецкой языковой и историографической традиции. Непосредственно с дипломатикой в Германии отождествляется *Urkundenlehre*, при этом под *Urkunden* понимаются «грамоты, предоставляющие права и служащие доказательством прав», то есть акты «удостоверительные». Объектом изучения *Aktenlehre* являются «записи или деловые письма, лишь сообщающие о фактах или ставящие какие-то вопросы, связанные с фактами правового характера», то есть акты «осведомительные»¹⁰. Таким образом, Каштанов не причисляет «записи» к актам по той причине, что они не являются документами договорного содержания¹¹.

Предложенное Лаппо-Данилевским понятие «записей-памятей» («осведомительных» актов) рассмотрим на примере актовых источников, представленных в метрике королевы Боны (1494–1557) – частном архиве королевы польской и великой княгини литовской (1518–1556)¹². Одним из наиболее значимых «отделов» Литовской метрики является отдел так называемых «книг записей». Первоначальное искусственное разделение массива документов этого комплекса на тематические «отделы» произошло в 1798 г., было закреплено в 1835–1837 гг. и окончательно утвердилось в «Описании книг и актов Литовской метрики», которое до 1980-х гг. являлось основной архивной описью в РГАДА (Ф. 389 «Литовская метрика»)¹³. Номинальная дифференциация книг Метрики («книги записей», «книги судебных дел» и т.д.) вошла в между-

---

⁹ Каштанов. 1988. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 24, 19.

¹¹ Там же; Каштанов. 1970. С. 15.

¹² В рамках этой работы мы не станем останавливаться на еще одной «классификации» актовых источников, предложенной Лаппо-Данилевским. Исследователь выделял акты публичные, частные и переходную между ними форму: «публично-правовые акты с частноправовым значением» (Лаппо-Данилевский. 2007. С. 61). Эта проблематика заслуживает специального изучения.

¹³ Птавицкый. 1887. См. также: Kennedy Grimsted. 1982.

народную практику. В этом, самом общем, плане термин «запись» не является качественной (с точки зрения «степени правового значения») характеристикой содержания документов того или иного сборника и не соответствует понятию, описанному С.М. Каштановым. В книгах Литовской метрики широко представлены именно актовые источники («грамоты с правозначащим значением») ¹⁴.

В канцелярском языке Великого княжества Литовского XV – середины XVI в. под «записью» могут подразумеваться, например, жалованные и данные грамоты, хотя самоназванием большинства документов этого периода является «лист» (крайне редко – «привилей»). В «Методических рекомендациях по изданию и описанию Литовской метрики» термину «запись» была дана неопределенная трактовка, отсылающая к документам различных видов и разновидностей ¹⁵. Целесообразно использование конкретного определения, которое могло бы наиболее адекватно характеризовать существующую в Метрике обширную категорию документов. Так, был предложен термин «писарская запись»: «делопроизводственный документ, пометы, сделанные писцом об устных распоряжениях великого князя, иных событиях» ¹⁶. Основные функции, которые несут писарские записи, – регистрационная, информационная, справочная, отчетная; отсутствие их сочетания с договорной или распорядительной функцией не позволяет отнести эти документы к актам. В то же время они соответствуют определению «осведомительного акта», предложенному А.С. Лаппо-Данилевским.

Содержание, форма и целеполагание подобного рода «осведомительных актов», встречающихся в метрике королевы Боны, различны. Писарские записи вносились «в сии книги» как по особым распоряжениям самой королевы (характеризуются диспозицией «господарыня <...> рачила розказати писати лист», «с розказанья господарыни королевоє <...> про память записано»), так и по инициативе ее наместников, ведавших судебным делопроизводством в разных частях владений Боны. В таких записях фиксировались указания королевы о составлении распорядительных листов конкретным адресатам ¹⁷, о предоставлении теми или иными землевладельцами доказательств («листов и твердостей») на владение недвижимым имуществом ¹⁸, о назначении даты судебного разбира-

---

¹⁴ *Бережков*. 1946. С. 5-6.

¹⁵ *Методические рекомендации*. 1985.

¹⁶ *Хоруженко*. 2013.

¹⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 32об.-33.

¹⁸ Там же. Л. 102об.

тельства («записанье року»)¹⁹ или его прекращении в связи с неявкой одного из участников тяжбы²⁰ и т.д. Вероятно, сам факт внесения записи в судебные книги придавал ей известную «степень правового значения», и, несмотря на отсутствие corroborации, такие «осведомительные акты» (в понимании Лаппо-Данилевского) все же имели юридическую силу в суде. Например, в 1534 г. Бона распорядилась внести в виленские канцелярские книги запись об освобождении боярина М. Оксакова от обвинений в разбое и грабеже по причине неявки обвиняющей стороны (князя Б. Мосальского) на суд ко двору королевы в установленный срок. В диспозиции этой записи значится указание Боны «вольным вчинити» Оксакова от «позовного» листа князя Мосальского²¹. Челобитчик в таких случаях не получал специального подтверждающего листа (который можно было бы отнести к регистрационно-удостоверительному виду источников), поэтому единственным доказательством решения королевы является писарская запись (регистрация совершившегося факта), к которой в дальнейшем, очевидно, можно было апеллировать. Согласно утверждению Лаппо-Данилевского, внесение текста грамоты в записные книги являлось одним из вариантов «публичного удостоверения» актов; знаки удостоверения («частные» или «публичные») могли отсутствовать в «осведомительных» актах, но их наличие необходимо для признания акта «удостоверительным»²².

Насколько соотносится предложенное А.С. Лаппо-Данилевским деление актов на «удостоверительные» и «осведомительные» с реалиями дипломатики литовских актов? В качестве примера обратимся к ставленным листам, выданным королевой Боной западнорусскому православному духовенству.

Статья реального текста акта, фиксирующая и закрепляющая суть состоявшегося правоотношения (юридическая клаузула по А.С. Лаппо-Данилевскому), входит в его диспозицию. Этот компонент формуляра ставленных листов первой половины XVI в. чаще всего представлен одним или несколькими сложными предложениями, характеризующими объем закрепляемых за адресатом (в данном случае священнослужителем) прав. В диспозиции ставленных листов на священство обороты, выражающие юридическую сущность акта, формулируются как «цер-

---

¹⁹ Там же. Л. 102-102об.

²⁰ Там же. Л. 131об.-132.

²¹ Там же.

²² Лаппо-Данилевский. 2007. С. 117, 113.

ковь дали», «мает церковь держати», «мает попом быти». Ставленные листы на игуменство содержат в диспозиции обороты «манастырь дали», «мает монастырь держати»; листы на владычество (епископство) – «владыцтво дали», «мает владыкою быти», «мает владыцтво держати». Итак, следуя логике определений Лаппо-Данилевского, диспозиция и корроборация – это те компоненты акта, которые делают его «удостоверительным». Лаконичной в большинстве случаев диспозиции, состоящей из устойчивых оборотов, предшествует зачастую пространная наррация, являющаяся своего рода экскурсом в действительное положение вещей. В наррацию входят статьи (бытовые клаузулы, по Лаппо-Данилевскому), содержащие информацию обо всех обстоятельствах дела, которые в своей совокупности стали причиной создания конкретного акта. В таком случае содержание наррации «удостоверительного» акта (фиксация ранее состоявшихся фактов и правоотношений) соответствует содержанию и функциям писарской записи (то есть «осведомительного» акта).

Так, в наррации подтвердительного ставленного листа Боны Марку Воловичу на Коложский Борисоглебский монастырь в г. Гродно (1554 г.) описаны обстоятельства, предшествовавшие его появлению в канцелярии королевы²³. Упоминаются четыре грамоты, которые, так или иначе, касались управления городенского монастыря: 1) ставленный лист Боны предыдущему игумену Михаилу; 2) лист Боны И. Горностаю о назначении его опекуном этого монастыря; 3) ставленный лист И. Горностая М. Воловичу на монастырь «до воли и ласки» королевы; 4) ходатайство О. Воловича о подтверждении Боной ставленного листа И. Горностая М. Воловичу. Ни один из этих актов, видимо, не сохранился, поэтому указание на их существование ценно само по себе. Кроме того, подобные упоминания в «осведомительной» части «удостоверительных» актов ценны для реконструкции деятельности частной канцелярии королевы. Выдача господарского листа – это кульминация делопроизводственного процесса, за которым, очевидно, скрывается масса документов, являющихся как вспомогательными источниками («неактами» по С.М. Каштанову: челобитьями, ходатайствами, справками, служебными записями и т.д.), так и непосредственно актовыми источниками.

Таким образом, только «удостоверительные» акты, в отличие от «осведомительных», соответствуют дефиниции акта, предложенной

---

²³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28-29.

А.С. Лаппо-Данилевским («грамота с правозначающим значением») ²⁴. Их диспозиция имеет договорную или распорядительную функцию; кроме того, такого рода документы должны быть снабжены знаками удостоверения (корроборацией). В делопроизводственной практике Великого княжества Литовского при выдаче подтвердительных листов, закреплявших те или иные права, аутентичные акты часто переписывались заново, включались в текст вновь составляемого документа или же фиксировались в виде упоминаний в наррации. По сути, функции наррации акта (справочные, информационные) совпадают с функциями писарских записей, которые не являются актами с точки зрения современной дипломатики, но соотносятся с определением «осведомительного» акта А.С. Лаппо-Данилевского. Можно сформулировать предварительный вывод о том, что «осведомительные» акты не существуют в чистом виде, но встречаются в составе наррации актов «удостоверительных» – документов договорного содержания, устанавливающих конкретные правоотношения и служащих их доказательством.

Целеполагание создания актовых источников обусловлено их основной социальной функцией, поэтому повторяемость их видовых признаков вполне очевидна и выявляема. А.С. Лаппо-Данилевский указывал на зависимость верной интерпретации источника от осмысления его видовой природы: «Правильное понимание общего смысла текста зависит от правильной квалификации его разновидности» ²⁵. Впрочем, сам исследователь в своих построениях непоследовательно использовал термины «вид», «разновидность», «группа», исходя, вероятно, из синонимичности этого ряда. Его представления об «основных разновидностях» актовых источников носили скорее теоретический характер. Критике со стороны современников, в частности, подверглось отсутствие в его «Очерке...» выяснения конкретных «видов и разновидностей русских старинных актов» ²⁶. Деление актов на «удостоверительные» и «осведомительные», несмотря на свое распространение в отечественной и западной историографии, является сугубо условным и основано на широком понимании объекта дипломатики. Следует четче дифференцировать документы актового и неактового характера.

С первой четверти XX в. отечественное актовое источниковедение проделало большой путь, однако работы А.С. Лаппо-Данилевского, как

---

²⁴ Это отмечал С.М. Каштанов (*Каштанов*. 1988. С. 21).

²⁵ *Лаппо-Данилевский*. 2007. С. 100.

²⁶ *Котляров*. 1922. С. 259-265.

в области методологии истории, так и в области дипломатики, имеют непреходящее значение для современной науки, о чем говорят и переиздание трудов ученого, и переосмысление исследователями его идей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 18, 36.
- Бережков Н.Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 180 с.
- Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М. : Наука, 1970. 502 с.
- Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М. : Высшая школа, 1988. 230 с.
- Котляров Г.М.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 259-265.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. 631 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: Северная звезда, 2007. 288 с.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.
- Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1887. 280 с.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 225-273.
- Хоруженко О.И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник. М., 2013.
- Kennedy Grimsted P.* What is and what was the Lithuanian Metrica? The contents, history and organization of the chancery archives of the Grand Duchy of Lithuania // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. 6. № 3. P. 269-338.
- Бондаренко Андрей Андреевич***, аспирант Российского государственного гуманитарного университета; *bondarenko-a.a@mail.ru*